

Борис Дынин



ГРАНИ

Борис Григорьевич Дынин

Грани

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829544

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга – воспоминания о моём отце, ветеране флота, Дынине Григории Самуиловиче. Он был человеком талантливым и добрым. Инженер-полковник, руководитель флотского проектного института. В книге раскрывается его вклад в строительство и укрепление Тихоокеанского флота. Во второй части нетленки – незаконченная повесть отца. О беспокойных тридцатых годах в СССР, когда он учительствовал в сельской школе, а также рассказы и миниатюры, нигде ранее не публиковавшиеся. Эпиграф и эпитафия написаны школьным товарищем автора Е. Ю. Лозинским, хорошо знавшим и любившим Г. С. Дынина.

ГРАНИ

ЧАСТЬ I.

Предисловие

*Российский порт Владивосток
стоит незыблемой твердьней.
В него вложил свой труд и пот
Талантливый полковник Дынин*

ДЫНИН

Григорий Самуилович

(1913

—



Мой отец

Фамилия Дынин происходит от женского ивритского имени Дыня (Дина). А имя Дина, в свою очередь, произошло от ивритского слова «дин» – правосудие. Это к вопросу о значимости женщины в иудейской традиции.

Так получилось, что роль архивариуса в нашей семье всегда исполняла мама, Наталия Глебова. Её шкафы до самого верху были набиты папками, альбомами, кипами писем от знакомых и незнакомых людей, в том числе фронтовые письма от её одноклассника, не вернувшегося с фронта (сгорел в танке). Об истории их взаимоотношений недавно вышла книга «Письма во Владивосток», а оригиналы писем мама завещала передать в музей имени В. К. Арсеньева во Владивостоке, что мы и сделали. В ходе всех этих хлопотных дел я однажды наткнулся на машинописную рукопись моего отца, и... закралась мысль тоже её издать...

Несколько слов о нём, моём отце, Григории Самуиловиче Дынине, а также о его семье, в которой он родился и вырос. Я вообще считаю, что огранка жизнью обогащает человека, хотя... иногда с этим бывает сложно согласиться. У моего отца было пять граней:

1 – Начало пути. Учитель;

2 – От учителя до командира;

3 – От лейтенанта до полковника;

4 – Проектировщик;

5 – Жизнь без флота.



Семья Дыниных и Лосевых. 07 мая 1921 г.

В верхнем ряду слева направо:

*Дынин Самуил Нихемьевич, Дынин Григорий Самуилович,
Лосева Лидия Абрамовна;*

во втором ряду слева направо:

Дынина (Лосева) Рахиль Григорьевна, Дынина Любовь Борисовна, Лосев Лев Григорьевич;

в нижнем ряду слева направо:

Дынина Фруза Самуиловна, Дынина Нина Самуиловна, Лосева Мирра Львовна, Лосев Яков Львович.

Семья Дыниных и Лосевых проживала в городе Велиже, раскинувшемся по берегам реки Западная Двина недалеко от Смоленска. У Дыниных было семеро детей, жили дружно, несмотря на сложную обстановку. Жизнь вовне бурлила событиями: в округе гуляли разноцветные банды, в том числе банда «зелёных».

И как-то, добывая себе на пропитание, ворвалась эта банда в размеренную жизнь семьи Дыниных, стала опустошать она закрома, на защиту которых встал, глава семейства, за что был схвачен бандитами. И крикнули они всей оторопевшей семье: «А ну, тащите вожжи!» И Дина Нихемьевна отправилась в сарай... и принесла вожжи. На этих самых вожжах и был повешен старший Дынин. Семейное предание гласит, что Дина Нихемьевна за проступок была вскорости из-

гнана из родительского дома, лишь сестра Фрида до конца её дней поддерживала с ней связь.

Главой семейства стала вдова Нихемия Любовь Борисовна Дынина. На групповой фотографии она в центре, чуть выше – её сын Самуил Нихемьевич, а рядом – его жена Рахиль Григорьевна (в девичестве Лосева). Мой дед Самуил, в семье его звали «Муля», стал работать кузнецом, а Залман Дынин – трудиться шорником. Потом началась Великая Отечественная война. Городу Велижу не везло, по нему проходила линия фронта, он оказывался на линии огня аж три раза, в результате сильно пострадал. Город освободили от немцев 20.09.1943 г., но это был уже не город, а пепелище с населением менее шестисот человек. Особенно страшной оказалась трагедия 28 января 1942 г. Немцы, отступая, согнали в гетто и сожгли заживо около 2 000 человек. Среди них была мама моего отца – Дынина Рахиль Григорьевна, вместе с ней сгорела её дочь, она же сестра моего отца – Дынина Нина Самуиловна.



Памятник жертвам Велижского гетто.

Надпись слева: «Гражданам Велижа, расстрелянным и заживо сожжённым фашистами в годы Великой Отечественной войны 1941—1942 гг. От земляков».

Надпись справа: «28.01.1942. Здесь было зверски уничтожено Велижское гетто, сожжено около 2000 евреев. Вечная память погибшим узникам гетто!»

Минута молчания

ЗНАЕМ!

ПОМНИМ!

НЕ ПРОСТИМ!

Грань 1. Начало пути. Учитель

А самого Григория Самуиловича столь печальная участь родственников обошла стороной: он рано вылетел из родительского гнезда, отправился на заработки, успев, правда, после окончания начальной школы два года проучиться на двухгодичных подготовительных курсах открывшегося в Велиже педагогического техникума народного образования, а потом и сам техникум.

В свои семнадцать лет он полноценно вступил в трудовую жизнь. Первая его должность в системе Наробраза называлась так: *Заведующий однокомплектной сельской школой первой ступени*.

О своих буднях в той школе он и написал в своей повести. Мы прочтём её немного позже. Жизнь у отца сложилась интересной.

Он прошёл путь от подмастерья, будучи сыном кузнечного мастера в городе Велиже, до начальника проектного института Тихоокеанского флота, полковника.



Молодой директор школы Дынин Г. С.

Грань 2. От учителя до командира

Свою повесть отец не успел завершить. Возможно, из-за двух ключевых событий того времени. *Первое событие* связано с историей о кулаке, которая не закончилась на тот момент; сразу поясню для полноты картины: однажды отец сидел в своей комнате и проверял письменные задания учеников при свете керосиновой лампы, и в момент, когда он завершил и потянулся погасить лампу, раздался выстрел, из окна полетели осколки стекла. Отец в мгновение ока залёг на пол...

Второе событие связано с письмом, которое он получил от своего приятеля Николая из Велижа.

Тот сообщал, что собирается в Свердловск поступать в индустриальный институт, звал Григория отправиться вместе.

Григорий осознал, что судьба посылает ему знаки, которыми пренебрегать нельзя. И он поехал. Однако в Свердловске двери в вуз для него оказались закрыты: приём документов закончился. Тут он проявил настойчивость и сообразительность. Он обратился во властные структуры и рассказал им о бедствиях, которые потерпела его семья от бандитов, и что его дед был повешен бандой «зелёных». Ему выда-

ли справку, что он является пострадавшим от врагов советской власти. Григорий отправился с этой справкой в Уральский индустриальный институт имени С.М. Кирова, документы у него приняли и допустили к вступительным экзаменам. Так отец в 1932 году поступил на строительный факультет. А в 1938 году он окончил этот институт с отличием по специальности «Промышленные и гражданские сооружения», ему была присвоена квалификация «инженер-строитель». По распределению его направили на строительство завода карбида в г. Алаверди Армянской ССР в должности прораба.

Настало время для обустройства личной жизни. Григорий поглядывал на женщин и раньше: в селе, где заведовал школой, а также в институте, однако тогда на первом месте была всё-таки работа и учёба. Сейчас же он находился в свободном плавании.

Закрутил он как-то роман с молодой армянкой, однако братья её были бдительны.

Григория поколотили и сбросили в бурные воды реки Дебед.

Разве это не очередной знак к новой жизни?

И пошёл тогда Григорий в военкомат: в нашей стране шло ускоренное и усиленное строительство Тихоокеанского флота, очень нужны были специалисты. Ниже цитата из книги о

ситуации того времени:

«С 1932 по 1938 гг. базовое и оборонительное строительство на Тихоокеанском флоте отставало от планов на полтора-два года. Отсутствие достаточного количества квалифицированных инженеров-строителей, перебои с поставками строительных материалов и оборудования в совокупности с неотрегулированной системой управления военным строительством стали основными причинами срыва государственных планов развития инфраструктуры Тихоокеанского флота в первые годы его создания».

(Шломин В. С., Великов Д. И., Гурьянов В. М. «Тыл флота»)

Так Григорий Дынин оказался на курсах ускоренной подготовки при ВВМИУ

(Высшее Военно-Морское Инженерное ордена Ленина Училище имени Ф. Э. Дзержинского).

Ему было присвоено первичное воинское звание инженер-лейтенант. После окончания курсов Григорий отправился служить на Тихоокеанский флот

Грань 3. От лейтенанта до полковника

Последний раз, когда Григорий побывал в родном городе, был предвоенный 1939 год. Он сфотографировался со своими сёстрами, как оказалось, в последний раз. Его сестра

Фруза впоследствии выйдет замуж и проживёт свою жизнь в Свердловске, они больше не встретятся, а младшей сестре Нине выпадет страшная участь быть заживо сожжённой вместе с другими в Велижском гетто.

Об этом событии подробно описано в книге Шевеля Голанда «Велижское гетто. Смоленская область, XI.1941— I.1942: (по материалам Велижского судебного процесса 1960 года)»; в книге приводятся протоколы допросов чудом уцелевших узников гетто, а также очевидцев тех страшных событий – жителей и полицейских карателей.



Фруза, Григорий и Нина Дынины



Старший лейтенант Дынин. 1940 г.

Вот как выглядит послужной список отца:

06.1939 – Лейтенант. Слушатель.

06.1940 – Старший лейтенант. Помощник командира роты.

01.1943 – Капитан. Старший инженер.

Награждён медалью «За боевые заслуги».

05.1946 – Майор. Начальник участка.

03.1950 – Подполковник. Главный инженер УНР МИС.

04.1952 – Подполковник. Главный инженер
ВМП-31.

03.1954 – Полковник. Заместитель начальника ВМП-31.

Награждён орденом Красной Звезды.

04.1967 – Полковник. Начальник Владивостокского фи-

лиала Центрального Военморпроекта.

Период от лейтенанта до полковника занял у Григория Дынина тридцать два года.

За эти годы он научился решать проблемы бесконфликтным способом, проявилась житейская мудрость. Но чтобы получить столь нужный багаж, нужно было строить, строить и ещё раз строить. Во Владивостоке строили много, в основном занимались обустройством подземного города. Связано это с тем, что в городе ещё в дореволюционное время была сооружена Владивостокская крепость, а во время Отечественной войны эту крепость необходимо было реконструировать и модернизировать, причём срочно. Поэтому для совершенствования фортификационного мастерства Дынина спешно направили на курсы усовершенствования начсостава при ВИТУ ВМФ в г. Ярославле. Окончив курсы, он отправился по железной дороге во Владивосток, а в противоположную сторону, оказывается, пошёл состав, в котором вся его часть направлялась в Сталинград для создания оборонительных сооружений. Мало кто из сослуживцев, к сожалению, остался в живых... Тем временем в форте № 2 Владивостокской крепости, стоявшем в запустении со времён Гражданской войны, решено было поместить береговой флагманский командный пункт Тихоокеанского флота «Скала». Григорий Дынин принял участие в реконструкции этого форта; закончили в предельно сжатые сроки, за что его наградили

медалью «За боевые заслуги». То, что Япония так и не напала на СССР, – заслуга, в том числе флотских строителей, значит, и моего отца Григория Дынина.

Потом была служба в УНР МИС флота, где он служил в должности главного инженера. Росла квалификация и, конечно, профессионализм.



Подполковник Дынин

Вот что мне, сыну Григория Дынина, вспоминается один из эпизодов того времени. Закончилась Корейская война.

27 июля 1953 года в 10:00 в пограничной деревушке Пханмунджом было подписано соглашение о прекращении огня. А в середине этого же дня из Порт-Артура курсом на Владивосток вылетел рейсовый транспортный самолет Ил-12, на борту которого находился двадцать один человек вместе с экипажем.

На этот безоружный одиночный самолёт с советскими опознавательными знаками напали в трёхстах километрах от границы КНР с КНДР четыре истребителя ВВС США типа F-86F.

Как стало известно позже, вёл это звено истребителей капитан Ральф Шерман Парр. Наш самолет был сбит в 11 часов 36 минут.

Существует версия, что в этом самолёте должно было находиться партийное руководство Тихоокеанского флота, потому-то его и сбили... Останки погибших отправили во Владивосток, захоронение прошло в торжественной обстановке в Жариковском сквере, процессом захоронения руководил главный инженер УНР подполковник Дынин. Я с мамой и бабушкой присутствовал при этом и помню, как ящики, обитые красной тканью (размеры ящиков были где-то около метра, такие же, в каких сейчас хоронят воинов войны), опу-

стили в склеп и расставили на полки по всем четырём стенам в три ряда, затем задвинули крышку и залили бетоном. Через два года там был установлен памятник.

У всей этой истории было одно интересное продолжение. Через два дня после трагедии, 29 июля 1953 года, в Приморском крае южнее острова Аскольд пилотами 88-го гв. истребительного авиаполка ВВС ТОФ был сбит американский разведывательный самолёт Б-50. Это была наша неофициальная месть за Ил-12. Да... были времена, когда наказание следовало неотвратимо.



Грани

Братская могила пассажиров и экипажа самолета ИЛ-12

На постаменте высечена надпись:

«Здесь погребены жертвы разбойничьего нападения американских воздушных пиратов на советский пассажирский самолёт Ил-12 27 июля 1953 года».

Грань 4. Проектировщик

В 1952 году Григорий Дынин был переведён в ВМП-31 (Военморпроект) на должность главного инженера. Проектировщики – это элита строительной профессии, в них очень ценится умение правильно продумывать, просчитывать с учётом пожеланий заказчика, в работе с которым нужно ещё обосновать технико-экономические параметры. А строители – они ведь только исполнители. Недаром одним из самых важных постулатов строителей является утверждение:

*«Чтобы не было галдежу,
делай всё по чертежу.*

Пусть потом идет галдёж

про неправильный чертёж».

ВМП-31 – это большая многопрофильная организация, которая занималась проектированием системы базирования ТОФ от Чукотки до Порт-Артура и от Читы до Курильских островов и Сахалина. Ко всем новым объектам, помимо их создания, нужно было проложить новые дороги, энергосети, тепло– и водоснабжение. Объём работ был громадный, при этом нельзя было нарушать суровые рамки типового проектирования. Однако во Владивостоке очень сложный гористый рельеф, специалистам ВМП-31 всё-таки удавалось из типовых коробок вылепить что-то своё, особенное. Они оставляли в типовых проектах только то, что нельзя было изменить, – планировку, высоту потолков квартир.

Зато делали индивидуальными цокольные этажи, лестницы, крыши, балконы и т. д. Дома, построенные по проектам ВМП-31, всё-таки были особенными, они отличались друг от друга. Я присутствовал на многих застольях, где чествовали папу. И везде отмечалась его мудрость и бесконфликтность. Первое такое празднование проходило у нас дома в связи с присвоением Г. С. Дынину очередного воинского звания – инженер-полковник. Мама нарисовала стенгазету и повесила на стену. Вот что из той стенгазеты мне запомнилось:

Кто там громко прискакал?

Знаменитый Буцефал!

А

*несёт венок лавровый Македонский Александр! Александр
с коня слезает. И венок ему вручает.*

Говорят, что и поныне, ест супы полковник Дынин.

Тёщей сваренные те, на лавровом на листе.

«Чудо-богатырь!

Помилуй Бог,

До этакого званья

дослужиться смог!» —

Так Суворов

Дынину сказал,

А

этот полководец Толк в героях знал.

Наполеон, и он же Бонапарт, Сказал, на Дынина взирая:

«Ну что сказать тебе, мой брат,

Масштаб не мой,

Но всё же поздравляю!»

Итак, инженер-полковник. Сквозь призму присвоения звания видна сложность взаимоотношений министра обороны того времени маршала Жукова и главкома ВМФ адмирала флота Кузнецова. Маршал Жуков флот терпеть не мог, в частности, адмирала

Кузнецова. И неизвестно, почему... может, образования не хватало... Жуков всерьёз считал, что войну может выиграть только солдат с трёхлинейкой. Даже если у него на пути возникнет водная преграда – ничего, выберется вплавь на другой берег, отряхнётся и пойдёт дальше в штыковую атаку с криком «Ура!» Адмирала Кузнецова он считал выскочкой, а флот – дорогой и совершенно бесполезной игрушкой.

Именно поэтому, когда произошла известная катастрофа с линкором «Новороссийск», прославленный флотоводец был снят с должности, понижен воинском звании до вице-адмирала и уволен в отставку без права восстановления и дальнейшей службы на флоте.

Но Жукову и этого показалось мало, он остановил всю кораблестроительную программу, утверждённую Кузнецовым. Был расформирован Главвоенморстрой, а его организации

были переданы Главвоенстрою.

Жуков приказал переодеть офицерский состав флотских строительных организаций в армейскую одежду, запретил в этих организациях использовать флотские термины. Так, вместо привычных для моряков трапов и камбузов появились лестницы, кухни и так далее. Жуков также приказал привести в единообразие штатные должности армии и флота. Это коснулось, в том числе проектных организаций. Ранее в военных округах в проектной организации были начальник и главный инженер-подполковник, на флоте эти должности были исключительно полковничьи.

Дынин успел получить полковника, но по новому штатному расписанию его должность – главный инженер ВМП-31 – оказалась подполковничьей.

И лишь в 1967 году, когда он стал начальником ВМП-31, эта организация была реорганизована во Владивостокский филиал 23 ГМПИ (Государственный морской проектный институт).

И все должности командного состава части стали полковничьими.

Привожу лишь часть объектов, запроектированных ВМП-31 под руководством полковника Дынина Г. С.:

– база надводных кораблей с причальным фронтом и учебными классами в бухте Абрек, завод ремонта и дострой-

ки атомных подводных лодок в посёлке Большой Камень (стал городом в 1989 г.),

база подводных лодок в бухте Постовая в Советской гавани, городок в бухте Стрелок для семей офицеров, городок для дивизии морской пехоты,

современный и хорошо оборудованный защищённый командный пункт флота (ЗКП).

Однажды курьёзный случай произошёл при строительстве ЗКП. При проектировании было учтено пожелание поместить его в тылу флота, его и разместили в дальнем глухом селе. Когда же приступили к строительству, вдруг стали замечать, что в этом же селе производится другая строительная деятельность: передвижение самосвалов с номерами Дальневосточного округа. Потом выяснилось, что Дальневосточный округ решил разместить свой ЗКП в тылу округа, местом его размещения оказалось то же село, где разместился ЗКП флота.

Пришлось решать этот вопрос на уровне Министерства обороны. Так как строительства ЗКП флота было начато раньше, окружным строителям пришлось переехать в другое место.

Вспоминается ещё один случай. На Камчатке по проекту ВМП-31 был построен бассейн. Перед самой сдачей на стене появилась глубокая трещина. Понимаете, что началось... Строители валили всё на проектировщиков, а те – на строителей, дескать, материалы применили некачественные. Ды-

нин приехал на Камчатку, чтобы увидеть эту трещину. Посмотрел и улетел в Ленинград. Там в НИИ-12 ВМФ он нашёл начальника отдела, полковника Лаппо, представил ему документы и получил заключение о том, что трещина возникла вследствие непредсказуемой осадки грунтов, в результате непредвиденной подвижки земли. Несмотря на наблюдения сейсмологов, такие подвижки часто бывают неожиданными. Произошёл разрыв фундамента, в результате чего образовалась вертикальная трещина.

Предлагались проектные решения об устранении трещины и укреплении фундамента, исключающие повторения такой ситуации. Долгое время после этого безболезненного решения ходили рассказы о том, как надо находить выход, казалось бы, из безвыходных ситуаций...

Владивосток по сей день хранит следы деятельности Григория Дынина на посту проектировщика. Например, кафе «Пингвин». Когда здание этого кафе проектировал Военморпроект, возникла проблема: что делать с большущим деревом, которое росло рядом с входом в здание?

Решено было дерево сохранить, поэтому проектировщики перенесли здание вглубь от красной линии.

Когда же собственно началось строительство, то первое, что сделали строители, – срубили это могучее дерево, мешавшее им подвозить стройматериалы. Вот и стоит это здание как бы в стороне от улицы, а о могучем некогда дереве

до недавнего времени напоминал лишь пень.

Ещё один любопытный пример.

В здании, где располагается Матросский клуб (ул. Светланская, 88), весь пол покрыт плиткой, сделанной по эскизам проектировщика Дынина, которые он позаимствовал из бабушкиной дореволюционной книги о вязании.

В коллективе очень любили отца, сослуживцы отмечали тёплую атмосферу, царившую в проектном институте, поэтому в коридоре перед приёмной было устроено что-то вроде аллеи славы: на стенах развешаны фотографии ветеранов, в том числе портрет самого Дынина.

Но однажды во время визита в проектный институт, командующий Тихоокеанским флотом адмирал Амелько заметил, что лично у него перед кабинетом собственный портрет не висит. Поэтому портрет Г. Дынина пришлось снять.

Мне запомнился также один богатый на переживания месяц.

Началось всё с того, что папа уехал в очередную командировку в Москву.

Мы получили телеграмму с его стандартным текстом: «Прибыл благополучно. Целую. Гриша». А дальше – тишина.

Прошло несколько недель, прошли все ожидаемые сроки его возвращения, однако – никаких известий. Потом мы получили от него письмо с описанием событий. Оказывает-

ся, прямо на совещании у него произошёл приступ мочекаменной болезни, на машине скорой помощи его доставили в госпиталь, сделали операцию, длившуюся несколько часов. Отец пролежал в госпитале около месяца, потом, наконец, прибыл домой.

Послеоперационную реабилитацию он проходил на снимаемой нами даче. И вот однажды решили навестить его два проектировщика, два майора. Прибыли они на дачу на швертботе туристического класса с гордым названием «Руслан». Это был новенький, единственный на весь флотский яхт-клуб, крейсерский туристический гоночный швертбот. Естественно, накрыли стол. А сын хозяина дачи Володя во все глаза разглядывал новинку – швертбот. Он попросил меня через папу обратиться к хозяевам этого красавца с просьбой разрешить прокатиться.

Один из майоров разрешил, а второй молча поднялся на судно и забрал свой китель с документами. И правильно сделал, что забрал. Я с радостью тоже запрыгнул на борт «Руслана» – в роли матроса, и мы

с Володей пустились в плавание. Однако ситуация в акватории Амурского залива менялась на глазах, небо заволакивало тучами, ветер усиливался, природа готовила сюрприз.

Из расположенного недалеко от нас санатория МВД вышла яхта типа «Дракон» с весёлой компанией отдыхающих на борту. Используя налетевший ветер, они развили прилич-

ную скорость и на полном ходу налетели на мель. Паруса повисли, однако гуляние продолжалось. Требовалось провести эвакуацию пассажиров.

Смотритель пляжа санатория отправился к ним на моторной лодке, но вскорости из-за волны мотор у него заглох. В роли спасателей пришлось выступить нам.

Мы с Володей направились к пассажирам, довольно ловко причалили к яхте и взяли на борт гуляк, те спустились в каюту и продолжили веселье, так как у них «с собой было».

Мы направили швертбот к берегу. Первая попытка причалить не удалась, так как опущенный полностью шверт уткнулся в дно, Володя дал мне команду вытянуть шверт. В итоге мы развернулись вдоль берега по направлению к причалу уже с убраным швертом.

А в это время налетел штормовой ветер, нас стало медленно клонить к воде.

Когда парус лёг на поверхность воды, швертбот пошёл под воду. Каюту стало заливать, нам с Володей стоило огромных усилий вызволить компанию на волю. Они восприняли случившееся как приключение: глубина оказалась небольшой. Весёлая компания, выбравшись на берег, направилась в домик смотрителя пляжа.

Первым делом они развесили и просушили имеющуюся у них наличность, затем продолжили гуляние.

А мы с Володей грустно побрели домой. Речи о продолжении спасательной операции не было, так как природа разбушевалась не на шутку: завывал ветер, напропалую хлестал дождь. Утром спасательную операцию продолжили. Собрали все имеющиеся в наличии плавучие средства и направились к затонувшему швертботу. Мне выдали багор, я стал им ковырять по каюте.

Вдруг я почувствовал что-то тяжёлое и большое. Я вообразил, что это труп, и похолодел от страха.

Все бросился ко мне. А когда вытащили, то рассмеялись, оказался всего-навсего матрац. Потом толпой подняли швертбот на ровный киль, достали мокрый китель со всеми документами другого майора, плотно пообедали, пожелали моему папе скорейшего выздоровления, на этом бравые майоры убыли во Владивосток.

В 1971 году Григорий Дынин ушёл в отставку. По этому поводу в нашем доме по-семейному были организованы торжественные проводы. Мама подготовила целый концерт и записала его на магнитофон: она аккомпанировала и пела от имени известных певиц:

Клавдия Шульженко

Миленький, скромный дружочек, Звёзды снимающий с

плеч,

С

*неба хватать их можно устать ведь! Надо на отдых при-
лечь!*

Приказ, Указ, ЦУ и фитили, Разные чопы, Всякие ЧеПы,

К счастью, теперь позади.

Эдита Пьеха

Где-то есть город,

Дивный, как сон.

Путь к нему долог:

На Западе он.

Может, впервые за тридцать-то лет

Дайте в тот город Льготный билет.

Тихо командующий ответит:

«Билетов нет».

В этом концерте ещё участвовал я в роли журналиста и мой товарищ, гитарист. Я изображал, что беру интервью у знатного оленевода Корякского автономного округа. Я сказал буквально следующее:

– Однажды мы застали оленевода Немурыка Ендибаевича Нибенимекова за его любимым занятием: он снимал панты у оленихи по имени Заря Новой Эры. «Как Вы относитесь к отставке полковника Дынина?» – спросил я, поднося микрофон.

– Однако так, – ответил тот и спел песню в манере Кола Бельды:

На рыбалку б я пошёл,

Но надо в командировку.

Посмотрел бы я футбол,

Но надо на планёрку.

Над тобой висят дела,

Нависают тучей.

И

зарплата – хорошо! Уваженье – хорошо! Благодарность – ничего,

А в отставке лучше!

Столы под руководством мамы были накрыты не совсем стандартно, вместо привычной для флотских инженеров водки был вечер коктейлей, мама командовала их приготовлением, стоя у стойки. Надолго нам всем запомнился этот прощальный вечер...

Грань 5. Жизнь без флота

По окончании службы во Владивостоке папа в шутку вспомнил о так называемой «слоновьей» болезни, заметив при этом, что слоны уходят из стада умирать куда-нибудь подальше.

Во Владивостоке мы жили тогда в доме, проект которого в 1963-м году был разработан флотским проектным институтом при царившей тогда хрущёвской концепции жилищного строительства: квартиры с совмещёнными санузлами, маленькими кухнями и с высотой этажа в 2,5 метра. Так вот, проект этого дома несколько отличался от навязываемого стандарта.

Дом состоял из двух неравных частей, после каждого лестничного марша был вход в квартиры, притом у одних квар-

тир высота потолка была 2,5 метра, а у других – 2,7 метра, да и санузелы у этих квартир были уже отдельные. С одной стороны, хрущёвский норматив был соблюден, а с другой – нет, как бы в виде исключения. Защищать проект, получать согласование на строительство надо было у заместителя командующего флотом по строительству. Исполнять эту тяжёлую миссию отправили начальника архитектурного отдела, который отличался своеобразной речью: он говорил очень быстро, как бы «жевал кашу», понять его было довольно сложно. Таким вот образом, благодаря особенности этого человека и было получено разрешение на строительство дома. Когда дом построили, в него заселились работники Тихоокеанского Военморпроекта.

А чуть ниже этого дома проектировался ещё один жилой дом, но он мог закрыть вид на море из окна нашей квартиры, поэтому папа приказал отодвинуть его от красной линии влево.

После отставки уже не радовал отца вид из окна на море, он больше не хотел здесь жить, мотивируя тем, что не хочет, чтобы его бывшие подчинённые видели, как он возвращается домой с авоськой, из которой торчат бутылки кефира.

Эта картина пугала и маму. Они решили переехать в другое место и стали думать...

Это должен был быть российский город, желательно у мо-

ря.

И они нашли такой, им оказался Таганрог. Они сменили Владивостокскую квартиру на равноценную в Таганроге – тоже центр города, тоже с видом на море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.